

УДК 94(517.3)

В.Ю. Башкуев

ВКЛАД СОВЕТСКИХ ВРАЧЕЙ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ В БОРЬБУ С ЧУМОЙ В МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ (1920–1940-Е ГГ.)

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук,
670047, ул. Сахьяновой, 6, г. Улан-Удэ*

Резюме

В статье на основе архивных документов и других источников воссозданы основные моменты помощи советских врачей правительству и народу Монгольской народной республики (МНР) в борьбе с чумой. Советская медико-санитарная помощь оказывалась Монголии с начала 1920-х гг. и ее важным аспектом была противочумная работа. Показано, что чума являлась серьезной трансграничной угрозой для СССР, а в свете готовившейся индустриализации ее занос на советскую территорию, грозивший международными карантинными санкциями, справедливо представлялся крупным геополитическим риском. На примере биографии врача-чумолога Л.С. Соболевой продемонстрирована гуманитарная составляющая и символизм советской помощи МНР в борьбе с чумой.

Ключевые слова: чума, советская медико-санитарная помощь, Монголия, граница, противочумная организация, Л.С. Соболева, гуманитарная миссия.

V.Yu. Bashkuev

THE CONTRIBUTION OF SOVIET PHYSICIANS-INTERNATIONALISTS TO THE FIGHT AGAINST PLAGUE IN THE MONGOLIAN PEOPLE'S REPUBLIC (1920S-1940S)

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude

Summary

Based on archival documents and other sources, this article reconstructs the main features of Soviet medical assistance to the government and people of the Mongolian People's Republic in the fight against plague. The Soviet medical and sanitary help to Mongolia began in the early 1920s and antiplague work was its important aspect. The article shows that plague was a serious transboundary threat for the USSR. In wake of the upcoming industrialization its carrying into the Soviet territory was rightly considered a grave geopolitical risk for it would have entailed international quarantine sanctions. On the example of biography of L.S. Soboleva, Russian plague researcher, the article points out the humanitarian component and symbolism of the Soviet help to Mongolia in fighting plague.

Key words: plague, Soviet medical and sanitary assistance, Mongolia, border, antiplague organization, L.S. Soboleva, humanitarian mission.

Вскоре после Народной революции 1921 г. Советская Россия начала помогать Монголии в создании собственного здравоохранения, направляя туда врачей-советников, медикаменты и медицинское оборудование. Первые европейские медицинские учреждения в стране были военными госпиталями, рассчитанными на оказание помощи бойцам и командирам Монгольской народно-революционной армии. В 1925 г. русский хирург П.Н. Шастин организовал в Улан-Баторе первую гражданскую больницу с амбулаторией [12]. В монгольской столице постепенно сложилось небольшое врачебное сообщество из приглашенных правительством МНР на службу советских врачей. Его неформальным лидером был П.Н. Шастин, проработавший в Монголии 14 лет.

С 1926 г. в МНР работали медико-санитарные экспедиции Наркомздрава РСФСР. Это была новая, высокоэффективная в условиях кочевой культуры форма работы, позволявшая изучать особенности медико-санитарной обстановки в разных частях страны, оказывать помощь населению на основе объективных медицинских данных, организовывать медучреждения на местах. Всего экспедиций было пять. Четвертая

(1933–1936) и пятая (1936–1938) медико-санитарные экспедиции также назывались первой и второй научно-исследовательскими, так как занимались углубленным научным изучением демографии, краевой патологии, тибетской медицины, бальнеологических ресурсов МНР [1, 12].

Эпидемиологический надзор за чумой был одной из важнейших функций советских врачей в Монголии. История русско-монгольского сотрудничества в борьбе с ней началась в конце XIX в. С середины 1890-х гг. на границе Российской империи с Маньчжурией фиксировались смертельные вспышки «тарбаганьей болезни». В 1898 г. в чумной очаг в Восточной Монголии российским Институтом экспериментальной медицины была направлена экспедиция Д.К. Заболотного. В ноябре 1899 г. для изучения чумных вспышек на северо-западе, северо-востоке и юго-западе Монголии туда прибыл Ю.Д. Талько-Грынцевич, а весной 1900 г. в Ургу приехал командированный Комочумом бактериолог Ф.Ф. Скрживан. В том же году чуму в Монголии изучали И.Н. Ланг и М.И. Подбельский; в 1905–1906 гг. – М.Ю. Шрейбер и В.И. Шендриковский [12]. С развитием русско-монгольских торгово-эконо-

мических связей чума превратилась в трансграничный фактор риска. Российские власти очень боялись ее заноса в пределы империи.

Цель статьи состоит в воссоздании основных моментов помощи, оказывавшейся советскими врачами правительству и народу МНР в борьбе с чумой. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1926 по 1945 гг. Особенностью данной работы является использование не только архивных документов, часть которых вводится в научный оборот впервые, но и менее конвенциональных источников как, например, документальная кинолента режиссера Юрия Занина «Девять дней и вся жизнь» (1979) [11].

В 1920–1940-е гг. актуальность изучения чумы на территории МНР оставалась высокой. В 1926 г. в 40–50 км восточнее Ундэрхана в Ундэрхан-ульском хошуне Хан-Хэнтэй-ульского аймака в период с 10 октября по 16 ноября заболело 23 человек, из которых 22 умерло. Бактериологическое исследование установило легочную форму чумы. В августе 1928 г. в 130 км на юго-запад от Улан-Батора в местности Олон-Шанда заболело и умерло пять человек (один от бубонной и четверо – от легочной чумы). Двое больных легочной формой чумы были привезены в столицу и до установления диагноза помещены в терапевтическое отделение Гражданской больницы. Примерно в то же время, с 28 августа по 14 сентября 1928 г. в 230 км на юго-запад от Улан-Батора, вблизи Табинджасского монастыря в Дэлгэр-Цокто-улаинском хошуне Богд-Хан-ульского аймака заболело и умерло четыре человека (один от бубонной и три – от легочной чумы). В 250 км на запад от Улан-Батора, в 50 км от Мишигунского монастыря (Баин-дэр-ульский аймак) с 17 сентября по 5 октября 1928 г. от чумы умерло 13 человек (один от бубонной и 12 от легочной чумы). В период с 7 по 25 сентября 1928 г. в 65 км западнее Ундэрхана в местности Шютэ от легочной чумы умерло восемь человек [1].

Чумные вспышки 1928 г. в Монголии вызвали обеспокоенность в Москве. 11 сентября 1928 г. состоялось межведомственное совещание по вопросу о принятии мер против заноса чумы из МНР в СССР. На нем присутствовали представители четырех наркоматов: иностранных дел (НКВД), здравоохранения, торговли, путей сообщения и Главного управления пограничной охраны Объединенного государственного политического управления (ГУПО ОГПУ). Представитель НКВД Соколов сделал сообщение об эпидемии чумы в Монголии, в связи с чем наркомат послал в СНК СССР представление о временном закрытии государственной границы с МНР.

В документе, подписанном врид наркома иностранных дел М.М. Литвиновым, объясняется: «... Принимая во внимание большую легкость заноса этой болезни на нашу территорию в район Сибирского пути, и учитывая то обстоятельство, что в таком случае вся наша западная граница немедленно попала бы под действие всех тех стеснительных мероприятий, которые предусмотрены Международной Санитарной Конвенцией, Коллегия НКВД считает нужным немедленно и полностью закрыть для всякого сообщения государственную границу между СССР и Монголией» [3]. При этом, советские дипломаты четко осознавали

неблагоприятное воздействие, которое закрытие границы произведет на советско-монгольские экономические отношения. Однако эффект от возможного объявления Советского Союза страной, неблагополучной по чуме, расценивался как гораздо более серьезное последствие. В представлении НКВД говорится, что «другие страны ... введут на своих границах меры, которые сильно ударят по нашим связям с Западом» [4].

В ходе межведомственного совещания 11 сентября 1928 г. было решено сосредоточить главное внимание по санитарной охране границы СССР на участке советско-монгольской границы от оз. Хубсугул до маньчжурской границы и организовать наблюдательные станции в Соловьевской, Мондах, Кяхте и Усть-Кяхте. ГУПО ОГПУ должно было принять меры по прекращению на этом отрезке упрощенного порядка перехода границы для приграничного населения, прекратить гужевое, автомобильное, речное и воздушное сообщение, установить особые условия перехода границы советскими рабочими, направляющимися на монгольские фабрики. Совещание постановило возложить на Наркомздрав РСФСР руководство борьбой с заносом чумы из МНР и обязанность изыскивать средства для принятия санитарных мер. До организации наблюдательных пунктов Наркомторг СССР должен был приостановить отправку из Монголии в Советский Союз товаров. Обязанность по информированию НКВД о противочумных мерах также возлагалась на Наркомздрав РСФСР [5].

Из приведенных выше документов следует, что возможность заноса чумы на советскую территорию рассматривалась кремлевским руководством как огромная опасность, причем в первую очередь учитывались геополитические издержки. Объявление СССР неблагополучной по чуме страной означало бы немедленное прекращение торгово-экономических связей с Западом. Это автоматически ставило под удар всю намеченную программу индустриализации, ведь оборудование, технологии, инженерные и управленческие кадры для строительства советской промышленности поступали из-за рубежа. Поэтому такие радикальные средства, как полное закрытие границы с Монголией предлагались без колебаний, несмотря на негативные последствия для двусторонних отношений. Советское руководство демонстрировало тактическую готовность идти на жертвы ради сохранения гораздо больших ставок в геополитической игре с Западом.

Впрочем, в долгосрочной перспективе Москва все же выбирала стратегическое партнерство, сосредоточившись на необходимости гарантировать своевременную нейтрализацию чумной угрозы на территории МНР. Наркомздраву РСФСР была поставлена задача способствовать созданию постоянной противочумной организации в Монголии, обеспечить ее надежной коммуникацией с советскими органами здравоохранения, прежде всего, с противочумными организациями Забайкалья и Дальнего Востока. До создания противочумной службы основной груз борьбы с чумными эпидемиями приняли на себя врачи советских медико-санитарных экспедиций [6].

Активное участие экспедиционных медиков в противочумной работе началось с 1928 г., когда в

Монголии работала вторая экспедиция Наркомздрава РСФСР. Оперативно реагировали на информацию о чумных вспышках врачи третьей медико-санитарной экспедиции. Например, в мае 1931 г. ее начальник Я.Л. Юдин получил радиogramму из Сан-Бэйсэ о появлении массового заболевания тарбаганов и людей с подозрением на чуму. Он тут же дал соответствующую шифровку в Общесоюзное бюро заграничной санитарной информации при Наркомздраве РСФСР (ОБЗСИ), а сам с переводчиком и врачом Минздрава МНР Никипеловым выехал на эпидемию [7].

Тогда же заведующий ОБЗСИ Я.Г. Эттингер направил Я.Л. Юдину письмо, в котором писал о предстоящей работе направленной в Монголию чумной лаборатории. Ее заведующим был советский чумолог, сотрудник саратовского института микробиологии и эпидемиологии «Микроб» Абрам Львович Берлин (1903–1939). Участие Берлина в создании монгольской противочумной организации расценивалось как крайне важное. Об этом Эттингер писал: «...т. Берлин с большими усилиями временно снят с очень ответственного дела в Саратовском «Микробе. Это удалось сделать лишь только потому, что об организации противочумных мероприятий было решение влиятельных организаций и только это заставило его нам дать. С ним мы заключили договор на год, но есть личная договоренность отправить его после налаживания всего дела месяцев через пять-шесть. Но в договоре я ясно указал, что это всецело зависит от начальника экспедиции, который может и не отпустить, если это в интересах дела невозможно. Таким образом, это зависит только от местных условий» [8].

Через месяц в письме советнику Минздрава МНР Я.Л. Гроссману заведующий ОБЗСИ писал: «Находите ли Вы уже все подготовленным, чтобы приступить к производству отдельных сывороток и вакцин – ведь это весьма хлопотливое и ответственное предприятие, но все же его можно и следует организовать. Я полагаю, что кое-чем в этом деле Вам окажет существенную помощь Берлин, который весьма сведущий человек в производственном деле» [9].

Я.Г. Эттингер надеялся не напрасно. Абрам Львович взялся за дело серьезно, построив под Улан-Батором целый противочумный городок («Тарбаган упчин хото»): лабораторию, виварий, домик для врачей с семьями, общежитие для персонала. Постоянно выезжая на чумные эпидемии, он познакомился с эмчи-ламой, одним из самых опытных тибетских лекарей Монголии. Тот рассказал о сложившихся в тибетской медицине представлениях о происхождении чумы, о различных лекарствах – в основном вытяжках и отварах трав – используемых для профилактики и терапии болезни [13]. Отсюда интерес А.Л. Берлина к тибетской медицине, воплотившийся в ряде опубликованных научных работ [2].

Усилия Наркомздрава по обузданию смертельной угрозы чумы в Монголии привели к организации в стране противочумной службы, кадровое ядро которой составили специалисты из СССР. В проекте резолюции Центрального комитета Монгольской народно-революционной партии (ЦК МНРП) по выполнению первого года пятилетки (1931) перед Минздравом МНР

ставилась задача в весенне-летний период 1932 г. провести широкую обследовательскую работу в опасных по чуме районах страны и организовать сывороточно-вакцинное производство при противочумной станции в Улан-Баторе. Требовалось создать в аймаках сеть санитарных осведомителей из местного населения и расширить работу санитарно-бактериологической лаборатории [10]. 18 февраля 1932 г. президиумом правительства МНР было принято «Положение о санитарных осведомителях по чуме» [1].

Одной из главных репрезентаций подвига советских врачей-чумологов в МНР стал документальный фильм-биография Любови Сергеевны Соболевой – доктора, спасшего жизнь монгольского мальчика Увгун-Бургута во время вспышки чумы в Западной Монголии в 1945 г. [11]. Повествование в фильме ведется от лица главной героини, а нелинейные временные переходы, благодаря талантливой режиссуре и сценарию, всего за полчаса раскрывают этапы ее сложной и насыщенной биографии.

Л.С. Соболева стала врачом не по зову сердца, а по обстоятельствам. С детства она мечтала о балете, но сопротивление семьи и перенесенный в юности туберкулез поставили крест на этих планах. Переехав из Москвы в Сочи, она была вынуждена самостоятельно зарабатывать на жизнь, сначала лаборанткой, потом сестрой милосердия. В 1916 г. в звании зауряд-врача Соболева была направлена на Кавказский фронт заведовать походной лабораторией. Там она чудом избежала смерти. Срочный вызов в Москву к смертному одру матери спас ее: в прифронтовой полосе вспыхнула эпидемия чумы, и по приказу какого-то генерала населенный пункт, где дислоцировалась походная лаборатория, был предан огню. В пожаре погибли ее коллеги и друзья, а Соболева получила от чумы первый вызов.

Вскоре последовал второй вызов. В 1920-е гг. в Батуми она заведовала бактериологической лабораторией. Однажды в городе появилась бубонная чума. Соболева обнаружила 26 случаев заболевания, поставила всем больным противочумные прививки, а после слегла сама с подозрением на чуму. В этом карантине она поняла, что борьба с чумой – ее судьба и жизненная миссия. Все последующие этапы ее биографии проходили под этим знаком [11].

Из-за трудной и опасной работы личная жизнь Соболевой не сложилась. Сын и дочь остались с мужем, а сама Любовь Сергеевна долгие годы работала начальником подвижных противочумных станций на Кавказе. В Монголию Л.С. Соболева попала в 1943 г. в качестве заведующего противочумной станцией в г. Улясутай.

Доктор Соболева много ездила по Монголии, многое видела и изучила. Для нее это была не только служебная необходимость, но и интерес к истории, культуре и народу Монголии. Судя по всему, доверие и интерес были взаимными. Монголы доверяли русским врачам и сразу обращались к ним в случае опасности чумы.

Так произошло и в августе 1945 г. «В нашей профессии все начинается внезапно, – идет повествование от лица Л.С. Соболевой. – Так было и совсем недавно, на рассвете душного августовского дня. Дурная весть

пришла из горной местности Цагаан-Сайр. В стойбище пастуха Бообо внезапно слегла вся семья» [11]. На место подозрительной вспышки на машине отправилась мобильная группа во главе с Соболевой. Опасения подтвердились – весь аил пастуха Бообо вымер от чумы.

«Местные жители пришли к нам на помощь, – продолжается повествование, – начали охоту на тарбаганов. Мы выставили часовых. Никто не имел права переступить запретную зону. И тут исчез один из двух оставшихся еще в живых сыновей Бообо – пятилетний Увгун-Бургут. Все бросились на его розыски» [11]. Осматривая другого ребенка – Наянтая – умирившего от чумы, Соболева с ужасом обнаружила под кошмой пропавшего Увгун-Бургута. Он находился рядом с погибающим братом, а значит, был тоже обречен.

Восстав против врачебной логики, Любовь Сергеевна ушла с мальчиком в девятидневный карантин. В первый же день испуганный ребенок прокусил ей защитную перчатку и руку, оставив лишь один шанс – дожидаться исхода карантина. Договоренность с отрядом была следующей: если в течение этого срока над дымоходами юрт перестанет идти дым, значит все, кто в них, уже мертвы, и юрты необходимо сжечь, забросав факелами с безопасного расстояния.

Соболева и Увгун-Бургут были больны, с высокой температурой, ознобом и кашлем. На четвертый день мальчику стало лучше, а Любовь Сергеевна сильно ослабла. Из записок, доставляемых в условное место с пищей и топливом, она узнала, что эпидемию удалось остановить. Однако жизни ее и мальчика все еще висели на волоске.

«Но чем бы это ни кончилось, – продолжается рассказ, – я не жалею, что приехала сюда. Я за многое благодарна этой стране, каждой юрте, каждой семье, где меня встречали, как друга» [11]. На девятый день карантин был снят, и люди громко радовались тому, что Соболева и Увгун-Бургут остались в живых. Монголы сказали ей: «Ты спасла мальчика, который должен был умереть. Теперь он твой сын, Увгун-Бургут Соболев»

[11]. Но Любовь Сергеевна не решилась разлучить ребенка с родиной, отдав его в бездетную семью Чергай. Следующая встреча произошла лишь спустя 20 лет в Москве, когда Увгун-Бургут Соболев приехал учиться в медицинский институт [11]. Тогда эта история получила вторую жизнь, в том числе и в официальной летописи советско-монгольской дружбы.

Кинорассказ об удивительной судьбе Л.С. Соболевой, несмотря на все художественные элементы, является важным документом, не только раскрывающим детали взаимодействия русских врачей и монголов в борьбе с опасной болезнью, но и возвышающим гуманитарную миссию советской медицины в монгольском мире практически без обязательных в то время отсылок к линии КПСС и МНРП на дружбу и сотрудничество. Документальная лента Ю. Занина и Б. Добродеева является мощной призмой, фокусирующей внимание на человеческих аспектах взаимодействия, на что не всегда способны архивные материалы.

Полная драматизма борьба советских и монгольских врачей с чумой на территории МНР, вошедшая в историю в произведениях литературы и кинематографии, являла собой часть стратегического плана по обеспечению эпидемиологической безопасности СССР и его союзника в Восточной Азии. Это, безусловно, тема отдельного большого исследования. Несколько рассмотренных нами сюжетов иллюстрируют как советско-монгольское взаимодействие в обеспечении эпидемиологической безопасности, так и то, что проблема чумы связывала между собой несколько уровней многослойной внешнеполитической повестки СССР в регионе. Это был действительно осевой объект взаимодействия, замыкавший на себе медицинскую и социокультурную, экономическую и геополитическую проблематику, вовлекавший в деятельность вокруг себя лучшие профессиональные кадры и значительные материальные ресурсы.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00031).

Литература

1. Башкуев В.Ю. Российская медицина и монгольский мир: исторический опыт взаимодействия (конец XIX – первая половина XX вв.). Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2016. – 436 с.
2. Берлин А.Л. О тибетской медицине // Современная Монголия. – 1934. – № 4 (7). – С. 47-58.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. А-482. – Оп. 35. – Д. 253. – Л. 2.
4. ГАРФ. – Ф. А-482. – Оп. 35. – Д. 253. – Л. 5.
5. ГАРФ. – Ф. А-482. – Оп. 35. – Д. 253. – Л. 3.
6. ГАРФ. – Ф. А-482. – Оп. 35. – Д. 352. – Л. 9, 9 об., 10.
7. ГАРФ. – Ф. А-482. – Оп. 35. – Д. 417. – Л. 126.
8. ГАРФ. – Ф. А-482. – Оп. 35. – Д. 417. – Л. 132.
9. ГАРФ. – Ф. А-482. – Оп. 35. – Д. 417. – Л. 133.
10. ГАРФ. – Ф. А-482. – Оп. 35. – Д. 415. – Л. 232.
11. Девять дней и вся жизнь (реж. Ю. Занин, авт. сцен. Б. Добродеев, Ленинградская студия док. фильмов, 1979).
12. Ибрагимов М.А., Дэмбэрэл Б. Очерки по истории развития здравоохранения Монгольской Народной Республики. – М.: Медицина, 1977. – 264 с.
13. Рапопорт Н.Я. Встреча с «императрицей смерти» // ВикиЧтение. – Режим доступа: <https://biography.wikireading.ru/135467> (дата обращения 18.02.2017).

Literature

1. Bashkuev V.Yu. Russian medicine and the Mongolian world: historical experience of interaction (late 19th – first half of the 20th centuries). – Irkutsk: Publishing house «Ottisk», 2016. – 436 p.
2. Berlin A.L. About Tibetan medicine // Modern Mongolia. – 1934. – № 4 (7). – P. 47-58.
3. The State Archive of the Russian Federation (GARF). – F. A-482. – Op. 35. – D. 253. – L. 2.

4. GARF. – F. A-482. – Op. 35. – D. 253. – L. 5.
5. GARF. – F. A-482. – Op. 35. – D. 253. – L. 3.
6. GARF. – F. A-482. – Op. 35. – D. 352. – L. 9, 9 Vol., 10.
7. GARF. – F. A-482. – Op. 35. – D. 417. – L. 126.
8. GARF. – F. A-482. – Op. 35. – D. 417. – L. 132.
9. GARF. – F. A-482. – Op. 35. – D. 417. – L. 133.
10. GARF. – F. A-482. – Op. 35. – D. 415. – L. 232.
11. Nine days and a lifetime (dir. Yu. Zanin, author of the scenes. B. Dobrodeev, Leningrad Studio of doc. Films, 1979).
12. Ibragimov MA, Demberel B. Essays on the history of healthcare development of the Mongolian People's Republic. – M.: Medicine, 1977. – 264 p.
13. Rapoport N.Ya. Meeting with the «Empress of Death» // WikiReading. – Access mode: <https://biography.wikireading.ru/135467> (accessed 02/18/2017).

Координаты для связи с авторами: Башкуев Всеволод Юрьевич – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, тел. +7-908-596-95-13, e-mail: vbashkuev@gmail.com.

